

A young woman with brown hair styled in a bun, wearing a purple Victorian-style dress with a ruffled collar, stands by a large window. She is looking out at a rainy street where two men in dark coats are walking away. The scene is dimly lit, with rain visible on the window pane.

Дарья Полтавская

Первое чувство

Влюблённость

Дарья Полтавская

Первое чувство. Влюбленность

<https://litres.ru/74363587>

SelfPub; 2026

Аннотация

В провинциальном Ярославске XIX века судьбы молодых дворян редко принадлежат им самим. Балы, визиты и светские разговоры лишь кажутся красивой игрой — на самом деле за каждым поклоном и каждой улыбкой скрываются расчет, долг и семейные ожидания.

Анна Львова впервые выходит в свет и сразу оказывается в центре внимания. Ее возможный союз с маркизом Василием Вороновым может спасти положение семьи, но сама Анна все острее чувствует: за безупречной учтивостью будущего жениха скрывается нечто большее, чем простое расположение.

Когда рядом появляется Владимир Воронов, младший брат маркиза, привычный порядок начинает давать трещину. Его слова тревожат, взгляды заставляют сомневаться, а молчание порой говорит больше, чем любые слова.

В мире, где браки заключаются ради выгоды, а истинные желания принято

скрывать, Анне предстоит понять, кому можно доверять, где заканчивается долг и начинается собственный выбор.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Львовы	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дарья Полтавская

Первое чувство.

Влюбленность

Пролог

В тихом, уютном Ярославске, затерянном среди бескрайних русских равнин и густых лесов центральной России XIX века, жизнь текла размеренно и степенно, хотя и не была лишена своих скрытых драм. Город раскинулся на высоком живописном берегу широкой реки. Над его улицами возвышались храмы с золотыми куполами и особняки, украшенные тонкой, замысловатой резьбой.

По вечерам мощеные улицы озарялись мягким светом газовых фонарей, и в этом золотистом полумраке неспешно стучали колеса экипажей. Воздух был наполнен тонким ароматом лип, смешанным с дымом печей, и этот знакомый запах, казалось, был неотделим от самого города — как его тишина и его неторопливый уклад.

Ярославск славился своими ежегодными ярмарками, куда съезжались купцы из самых разных уголков страны, а также знаменитыми на всю округу балами. Здесь, среди ухоженных садов, широких аллей и просторных площадей, будто сама

история бережно сохраняла следы прошлого. Каждый дом, каждая мостовая, каждый поворот улицы словно напоминали о былых приемах, о великосветских визитах, о разговорах, в которых решались не только судьбы, но и будущие союзы.

Для дворянских семей жизнь здесь вращалась вокруг балов, званых вечеров и светских визитов. Эти события были не просто развлечением, но и частью установленного порядка: на них демонстрировали положение, искали выгодные знакомства и, нередко, будущих супругов. Подготовка к подобным вечерам занимала немало времени — шились платья, разучивались танцы, повторялись правила хорошего тона, каждая деталь обдумывалась с особой тщательностью.

Для многих молодых людей такие вечера становились шансом найти достойную партию — союз, который мог обеспечить их будущее и укрепить положение семьи. Однако за блеском свечей, за улыбками и учтивыми поклонами скрывалась суровая реальность: зачастую браки заключались не по любви, а по расчету. Дети становились лишь разменной монетой в деловых соглашениях между семьями, а их желания были чем-то второстепенным, почти не имеющим значения.

Именно в таком мире начинается эта история — в мире, где любовь нередко кажется иллюзией, а брак — результат договоренности ради выгоды. Но смогут ли герои, живущие по законам этого общества, преодолеть обстоятельства и

найти истинное счастье? Или же их судьбы окажутся навсегда связаны решениями, принятыми за них? А может быть, именно через испытания и страдания они научатся ценить настоящие чувства и построят свою жизнь по собственным правилам?

Это история о балах и тайных взглядах, о дамах и кавалерах, о любви, дружбе, боли и надежде. О людях, которые надевают маски, чтобы быть принятыми, и о тех, кто однажды решается снять их. О том, как легко потерять себя под давлением обстоятельств — и как трудно, вопреки всему, обрести себя вновь.

Это история о том, что настоящее счастье приходит не всегда тогда, когда его ждут, а порой — лишь в тот миг, когда человек осмеливается сделать шаг навстречу своей мечте. И о том, что даже в самый темный час остается надежда на светлое будущее, если не переставать верить и бороться за него.

Глава 1. Львовы

Весна 1851 года выдалась на редкость холодной. Ветер еще долго не отпускал Ярославск и окрестные усадьбы: шумел в садах, стучал в ставни, пробирался под двери, и в такие вечера особенно остро хотелось тепла — домашнего, тихого, надежного, того самого, что собирает семью у камина и на время отгораживает ее от мира.

Именно таким был и этот вечер.

В гостиной дома Львовых царили свет, уют и спокойствие. У камина, где ровно потрескивали поленья, собралась вся семья. Теплое мерцание огня мягко ложилось на лица присутствующих, и в этом дрожащем сиянии все вокруг казалось особенно близким, почти сокровенным.

Анна сидела за фортепиано.

Ее пальцы легко и уверенно скользили по клавишам, и в комнате звучала первая соната Шопена — произведение, которое особенно любили в этом доме. Музыка наполняла гостиную не громкостью, а глубиной. В ней слышались тревога, надежда и та печаль, которую невозможно объяснить словами, но можно узнать с первых нот. Каждый аккорд будто отзывался в душе, пробуждая скрытые чувства, тревожил что-то очень личное, но вместе с тем убаюкивал и успокаивал.

Анна играла сдержанно, почти строго, но в этой сдержан-

ности было больше чувства, чем в иной пылкой откровенности. Казалось, она не исполняла музыку, а говорила ею — осторожно, честно, не решаясь сказать вслух то, что жило в сердце.

В какой-то миг ей показалось, что музыка понимает ее лучше, чем кто-либо другой. Если бы музыка могла выбирать за нее... она давно бы сказала, куда ей идти.

Такие минуты были особенно дороги Львовым. Они любили эти тихие семейные вечера, когда не требовалось ни светских разговоров, ни показной любезности, ни улыбок для чужих глаз. Здесь, у камина, все чувствовали себя по-настоящему вместе. И именно это простое чувство — быть рядом, слышать друг друга без слов — сближало их сильнее любых долгих бесед.

Первой, кто особенно внимательно слушал игру Анны, была ее мать, графиня Екатерина Львова.

Ее лицо, обычно спокойное и собранное, в свете огня казалось мягче. В строгих карих глазах, привыкших скрывать усталость и тревогу, проступила нежность. Она смотрела на Анну и видела не только старшую дочь, но и ребенка, который слишком рано научился быть взрослым.

Екатерина принадлежала к старинному роду и с юности умела держаться так, как требовало ее положение. В ней было достоинство, которое не нуждалось в словах: прямая осанка, сдержанные движения, внимательный взгляд. Но дети знали другую Екатерину — ту, что могла поправить оде-

яло спящему Константину, почитать Елизавете перед сном, долго стоять у двери Анны, если та поздно читала при свече.

В ее взгляде всегда было что-то незыблемое — решимость, внутренняя стойкость, умение выдерживать удары судьбы. Но стоило ей взглянуть на детей, как в строгих чертах проступала нежность. Они были для нее главным смыслом жизни. Ради них она умела быть и сильной, и мягкой, и требовательной, и заботливой одновременно.

И все же сейчас, слушая игру дочери, графиня не могла остаться спокойной. Музыка трогала ее до глубины души. Глаза Екатерины увлажнились, но она, как всегда, не позволила слезам скатиться по щекам. Она только чуть опустила взгляд, чтобы скрыть волнение, и крепче сжала руки на коленях.

Только бы дети никогда не узнали, сколько стоит наше спокойствие, — подумала она.

Анна почувствовала этот взгляд, хотя не обернулась. И, может быть, именно поэтому заиграла еще проникновеннее.

В ней с детства чувствовались утонченность и стойкость. Названная в честь прабабушки, она словно несла в себе память рода — и вместе с ней тихое, еще не до конца осознанное обязательство перед будущим семьи. Анне недавно исполнилось восемнадцать. В этом возрасте будущее еще кажется туманным, но сердце уже начинает понимать, что некоторые дороги выбирают за нас задолго до того, как мы успеваем спросить себя, хотим ли идти по ним.

Анна была старшей дочерью, и это многое определяло. Ей пришлось рано научиться замечать усталость матери, сдерживать собственные тревоги, заботиться о младших. Она не считала это жертвой. Просто в ее характере было что-то тихое и прочное: желание беречь тех, кого любишь.

Внешность ее не поражала с первого взгляда: невысокая, стройная, с мягкими чертами лица, Анна редко привлекала к себе внимание. Ее карие глаза смотрели глубоко и внимательно, словно старались увидеть в людях не внешнее, а истинное. Но стоило приглядеться, и в ней открывалась особая красота — спокойная, глубокая, не требующая доказательств. Каштановые волосы средней длины мягко обрамляли лицо, придавая ей особую нежность. В ней не было яркой, ослепительной красоты, но было нечто куда более притягательное — искренность, доброта и удивительная душевная ясность.

Она любила книги, тишину и долгие вечера дома куда больше, чем шумные собрания и большие скопления людей. Возможно, это было связано с тем, что ее судьба казалась уже предначертанной, или с тем, что мечты молодой девушки были о другом — о свободе и спокойствии. Светские визиты, разговоры и балы всегда вызывали в ней легкое волнение, а порой и тревогу. Ей казалось, что в таком мире слишком многое зависит от взгляда, жеста, случайно сказанного слова.

И все же именно этот мир уже стоял у порога ее жизни.

Ее сестра Елизавета была полной противоположностью.

Если Анна была тиха и сдержанна, то Елизавета словно сама была создана для того, чтобы привлекать внимание. Ее красота не вызывала сомнений: светлая, почти фарфоровая кожа, пшеничные волосы, мягко струящиеся по плечам, и глаза — большие, выразительные, полные мечты, фантазии и живого интереса к миру. Она умела улыбнуться так, что собеседник невольно чувствовал себя избранным. И, возможно, именно эта способность так легко завоевывать расположение делала ее заметной и в семье, и в обществе.

Елизавете было шестнадцать, но она уже держалась с той естественной уверенностью, которой не учат гувернантки. В ней было столько живости и обаяния, что она умела сиять даже в самой обычной комнате.

Анна же, напротив, избегала слишком пристального внимания. Она редко смотрела людям прямо в глаза, словно оберегала свой внутренний мир от чужого взгляда. И потому рядом с Елизаветой, открытой и сияющей, Анна часто казалась загадочной — тихой, погруженной в собственные мысли. В этом и заключалось их главное различие: Елизавета сияла, словно звезда светского общества, легко и смело идя навстречу миру, тогда как Анна казалась таинственной незнакомкой — той, кого невозможно понять с первого взгляда и в чьих глазах будто скрывалась целая вселенная безмолвной печали и заветных желаний.

Константин, младший из Львовых, появился в гостиной

последним и почти сразу устроился ближе к фортепиано.

Ему было пятнадцать. Мир балов, визитов и светских правил пока оставался для него чем-то далеким и не вполне серьезным. Зато игра Анны на фортепиано интересовала его искренне. Он с восторгом слушал музыку и задавал сестре бесконечные вопросы: почему здесь именно такой аккорд, почему мелодия идет именно в этом направлении, отчего одна нота так трогает сердце, а другая звучит тревожно.

Константин был высоким юношей с темными волосами и карими глазами, такими живыми и ясными, что в них легко читались любопытство и доброта. У него была обаятельная улыбка, а смех — звонкий, открытый, настоящий — нередко наполнял весь дом светом. Он был еще совсем юн, но уже умел привносить в дом ту легкость, которая особенно ценится в семье.

Глядя на него, Екатерина невольно вспоминала прошлое — время, когда их дом был полон иного, более прочного счастья.

Когда-то рядом с ней был муж, граф Николай Львов. Тогда жизнь казалась устойчивой, спокойной, почти незыблемой. Но все изменилось, когда Анне было всего семь лет.

Николая не стало.

Эта утрата стала для семьи тяжелым ударом. Дом, лишившийся своей опоры, словно изменился навсегда. Екатерина взяла на себя все: счета, письма, заботу об имении, будущее детей. Она научилась говорить спокойно, когда хотелось пла-

кать, и улыбаться, когда страх сжимал горло. При детях она оставалась сильной. Слабость позволяла себе только в одиночестве.

Но, несмотря на боль, она не сломалась. Ради детей Екатерина сумела сохранить достоинство, порядок и то редкое внутреннее тепло, которое не зависит от обстоятельств. Она понимала цену счастью и потому особенно берегла редкие минуты, когда вся семья была вместе.

Анна это видела. Может быть, не все понимала в детстве, но чувствовала достаточно, чтобы рано стать серьезнее сверстниц. Она старалась учиться прилежно, помогать по дому, быть внимательной к младшим и не добавлять матери новых тревог.

Потому такие вечера у камина были для нее бесценны. В них было все, что она боялась потерять.

Позже, когда дом затих, Анна ушла в библиотеку.

Она сидела у окна с раскрытой книгой в руках, но не читала. За стеклом темнел холодный сад. На столе рядом лежали ноты, письмо и приглашение на бал. Анна долго смотрела в окно, будто пыталась разглядеть в темноте ответ на вопрос, который не решалась задать вслух.

Наконец она закрыла книгу, провела пальцами по потерянной обложке и взяла приглашение.

— Первый бал... Или первый шаг к жизни, которую выбирали за меня?

Следующие дни прошли в хлопотах.

Дом Львовых ожил. Портнихи приходили с утра, горничные приносили коробки с лентами и перчатками, Екатерина проверяла украшения, а сестры снова и снова примеряли платья. Предстоял первый в этом году бал — Бал Самоцветов, и каждая деталь должна была быть безупречной.

Вечером в будуаре стало особенно шумно. Портниха закрепляла булавки на синем платье Анны, Елизавета кружилась перед зеркалом, любуясь тем, как ткань ловит свет, а на столе лежали веер, жемчужное ожерелье, перчатки и то самое приглашение.

— Анна, ты должна улыбаться чаще, — сказала Елизавета, лукаво взглянув на сестру. — Иначе все решат, что ты мечтаешь сбежать.

Анна опустила глаза на свои перчатки.

— А если я действительно об этом мечтаю?

Екатерина, стоявшая у туалетного столика, обернулась.

— Не говори так. Это твой первый бал.

— И он будет незабываемым, — уверенно добавила Елизавета.

Анна попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой.

Она всегда с учтивостью и ответственностью относилась к своим обязанностям. В течение этого года Анна усердно помогала Елизавете готовиться к первому выходу в свет: повторяла с ней правила поведения, манеры и танцы. Сама Анна танцевать любила. С семи лет вальс, мазурка, полонез и кадрили были для нее не только обязательными уроками, но

и приятным занятием, почти таким же дорогим, как чтение. В движении ей порой было легче выразить себя, чем в разговоре. Но одно дело — танцевать дома или на уроках, и совсем другое — впервые выйти в свет, где каждый взгляд может стать оценкой.

Анна еще никогда не была среди гостей такого торжества. Ее дебют должен был состояться еще в прошлом году, но тяжелое материальное положение семьи заставило Екатерину отложить этот шаг. Теперь же обе дочери должны были появиться в свете одновременно.

Это решение не было простым. Для Екатерины оно означало не только заботу о репутации семьи, но и надежду на будущее дочерей. Бал мог стать для них шансом — возможностью укрепить положение рода, завести полезные знакомства и, возможно, решить судьбу Анны.

В глубине сердца Анна тосковала по отцу: именно в такие важные минуты его отсутствие ощущалось особенно остро. Ей хотелось верить, что, будь он рядом, страх перед будущим стал бы меньше. Но именно Николай Львов еще при жизни позаботился о ее замужестве и договорился о союзе с сыном герцога Воронова — маркизом Василием. Однако этот союз должен был состояться только после личной встречи и при согласии самого молодого человека. Судьба Анны будто уже была намечена заранее: род Вороновых мог дать ее семье не только благополучие, но и ту материальную устойчивость, которой им так недоставало.

О самом Василии Анна знала немного. Ему было двадцать пять лет, он считался достойным наследником своего рода и уже успел приобрести в обществе репутацию человека учтивого, образованного и безупречно воспитанного. У него были младший брат Владимир, которому недавно исполнилось двадцать, и сестра Елена, семнадцатилетняя девушка, о которой в свете отзывались с неизменной теплотой. Их имена Анна слышала не раз, но до сих пор они оставались для нее частью далекого, почти недостижимого мира, в который ей предстояло вскоре войти.

Графиня Екатерина прекрасно понимала, что многое зависит от предстоящего вечера. Она никому не говорила всей правды, но хранила обещание мужа и верила, что сможет исполнить его волю. Положение семьи было непрочным: карточный проигрыш Николая сильно подорвал их достаток, и теперь только удачный союз мог исправить положение.

Анна знала меньше, но чувствовала достаточно. Она, впрочем, ощущала не только давление обстоятельств, но и все нарастающее волнение. Ее первый бал был не просто праздником. От этого вечера зависело слишком многое — спокойствие матери, положение семьи, исполнение последней воли отца, ее собственная жизнь.

Каждая деталь имела значение — манеры, осанка, внешний вид, взгляд, умение держаться. Все это должно было произвести впечатление на маркиза Воронова. Анна знала: от ее поведения будет зависеть, сможет ли она убедить Ва-

сила, что именно она — та, с кем он должен связать свою судьбу.

Она старалась не думать об этом постоянно, но мысли возвращались сами. Как держаться? Что сказать? Как смотреть? Можно ли понравиться человеку за один вечер? И что будет, если не получится?

Для Елизаветы этот год тоже был важным. Ей предстояло впервые появиться в свете, познакомиться с молодыми людьми из знатных семей, сделать первые шаги в том мире, который прежде существовал для нее лишь как красивая мечта. Сестры понимали: впереди их ждет время испытаний, а от предстоящего бала зависит очень многое.

И все же, несмотря на тревогу, в этих днях было и ожидание чего-то нового — большого и важного.

Перед самым Балом Самоцветов подготовка достигла своего апогея.

Графиня Екатерина выбрала для этого события наряд, достойный своей репутации. Ее платье было выдержано в оттенках сапфира — цвета, символизирующего мудрость, достоинство и внутреннюю силу. Тончайший бирюзовый шелк мягко переливался при свете свечей, подчеркивая стройность ее фигуры и благородство манер. Серебряная вышивка на лифе напоминала мерцание драгоценных камней, а кружевные вставки на воротнике и рукавах придавали образу легкость и изящество. Тонкая тесьма на поясе, украшенная маленькими бриллиантами и бирюзовыми камнями, завер-

шала этот утонченный, торжественный образ. В этом наряде графиня казалась такой, какой ее привыкли видеть в обществе: сдержанной, благородной, непоколебимой.

Для дочерей графини были подобраны наряды, вдохновленные великолепием этого драгоценного камня.

Анне досталось синее платье, мягко облегающее фигуру и словно повторяющее плавность морской волны. Черный пояс с кружевной отделкой изящно подчеркивал талию, а ожерелье и серьги добавляли образу тонкую, почти хрустальную сияющую нотку. На ее ногах были туфли насыщенного синего цвета, а руки скрывали перчатки, легкие и элегантные, словно облака, касающиеся кожи. Волосы были собраны в низкий узел из кос, с прямым пробором и гладкими прядями у лица.

Весь ее образ казался воплощением благородства и сдержанной красоты — не яркой, не броской, но запоминающейся именно своей глубиной.

Она смотрела на себя в зеркало и не сразу узнавала. Все в ней оставалось прежним, но платье будто требовало другой Анны — увереннее, смелее, взрослее.

Елизавета же была одета в платье нежного голубого оттенка — светлого, прохладного, словно утреннее небо перед рассветом. Тонкое кружево мягко обрамляло ее плечи и рукава, серебристая вышивка мерцала на корсете, а длинные перчатки добавляли ее облику особой изящности. Вся ее фигура, легкая и хрупкая, казалась почти созданной для восхи-

ценных взглядов. В ней было то редкое очарование, которое невозможно было не заметить.

Сестры стояли перед высоким зеркалом. Елизавета повернулась, любуясь тем, как юбка переливается в свете, потом заметила выражение лица Анны и подошла ближе.

— Сегодня все будут смотреть только на нас.

— Вот этого я и боюсь, — призналась Анна.

Елизавета улыбнулась и чуть наклонила голову.

— Тогда смотри первой.

Но к вечеру ее собственная уверенность неожиданно исчезла: Елизавета почувствовала себя дурно. К моменту отъезда ее слабость усилилась, и все в доме были вынуждены признать, что она не сможет ехать на бал. Это решение стало неожиданностью: Елизавета всегда любила внимание и общество, всегда легко и уверенно держалась среди людей. И все же в этот раз что-то сломалось — сомнения или усталость взяли верх над привычной живостью.

Елизавета сидела на краю кровати в полном бальном наряде. Лицо ее побледнело, глаза стали тревожными. На туалетном столике лежали перчатки и украшения, которые она еще недавно перебирала с восторгом. Екатерина коснулась ее лба и нахмурилась.

Анна стояла у двери, не зная, приблизиться или оставить сестру в покое.

— Ты уверена, что не хочешь ехать? — тихо спросила графиня.

Елизавета попыталась улыбнуться, но улыбка дрогнула.

— Сегодня... я не могу.

— Лиза, что случилось? — растерянно спросила Анна.

— Ничего. Я просто чувствую слабость. Придется тебе сегодня сиять без меня.

В ее голосе прозвучала прежняя легкость, но взгляд выдавал страх. Екатерина поняла, что настаивать нельзя. Иногда человек отказывается не потому, что слаб, а потому, что больше не в силах притворяться.

Через несколько минут Анна и мать уже спускались к карете. Елизавета и Константин остались в доме, который вдруг показался Анне слишком тихим.

Экипаж мягко скользил по улицам Ярославска. За окнами темнел вечер, колеса негромко стучали по мостовой, и в этой размеренной дороге Анна чувствовала, как внутри нее все сильнее растет волнение. В отражении стекла она видела свое лицо — бледное, задумчивое, почти чужое.

Екатерина держала ее за руку.

— Ты не обязана понравиться всем, — сказала она.

Анна не сразу ответила.

— Мне достаточно понравиться одному человеку.

Графиня помолчала. В этом молчании было больше тревоги, чем в словах.

— Иногда этого бывает более чем достаточно.

Вскоре впереди показался дворец, где должен был состояться Бал Самоцветов.

Он сиял в ночи, словно огромный драгоценный камень.

Высокие башни, светящиеся окна, балконы, мраморные колонны — все в этом здании казалось торжественным, величественным и немного сказочным. Дворец будто был соткан из света, золота и ожидания. У входа останавливались экипажи, по ступеням поднимались дамы в светлых платьях и кавалеры в парадных мундирах. Музыка доносилась даже наружу — приглушенная, торжественная, словно обещающая нечто прекрасное.

Когда карета остановилась у входа, Анна на мгновение замерла.

Она затаила дыхание.

Впереди ее ждало не просто светское торжество. Впереди был вечер, который мог изменить всю ее жизнь.

Екатерина вышла первой, затем обернулась и подала дочери руку. Холодный ветер коснулся лица Анны и подхватил край ее синего платья. Она посмотрела на сияющие окна, на раскрытые двери, на гостей у входа.

Сердце билось быстро, но страх уже не был прежним. В нем появилась собранность.

Если судьба ждет меня за этими дверями, я хотя бы встречу ее достойно.

Анна выпрямила спину и поднялась по ступеням.

Двери бального зала распахнулись перед ней. Свет люстр, музыка, голоса и шелест платьев хлынули ей навстречу — сразу, ослепительно и торжественно.

Это был ее первый настоящий вечер в свете.

И, возможно, именно здесь судьба готов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.